

МАРК
АГАТОВ

Лекарство от
Безумия

ЗАПИСКИ ПСИХИАТРА

Марк Агагов

**Лекарство от безумия.
Записки психиатра**

«Издательские решения»

Агатов М.

Лекарство от безумия. Записки психиатра / М. Агатов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907447-8

Три книги под одной обложкой о врачах-психиатрах, гипнозе и безумной любви. Когда мы познакомились, Гарику было семнадцать лет, а мне двадцать четыре. Я была дипломированным врачом-психиатром и любимой женой. На второй день работы в психоневрологическом диспансере юный санитар спас мне жизнь. А потом произошло то, о чем я жалела всю свою жизнь. Я влюбилась в семнадцатилетнего мальчишку...

ISBN 978-5-44-907447-8

© Агатов М.
© Издательские решения

Содержание

КНИГА ПЕРВАЯ.	6
Погром в хирургии	9
Доктор Фридман	10
Королева Марго	14
Убийца из НИИ	17
Голубая любовь	20
Расплата за «голубую любовь»	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Лекарство от безумия

Записки психиатра

Марк Агатов

Три книги под одной обложкой о врачах психиатрах, гипнозе и безумной любви.

Когда мы познакомились, Гарику было семнадцать лет, а мне двадцать четыре. Я была дипломированным врачом-психиатром и любимой женой. На второй день работы в психоневрологическом диспансере юный санитар спас мне жизнь. А потом произошло то, о чем я жалела всю свою жизнь. Я влюбилась в семнадцатилетнего мальчишку...

Редактор М. Ильин

Иллюстратор Марк Агатов

Дизайнер обложки Марк Агатов

Фотограф Марк Агатов

© Марк Агатов, 2019

© Марк Агатов, иллюстрации, 2019

© Марк Агатов, дизайн обложки, 2019

© Марк Агатов, фотографии, 2019

ISBN 978-5-4490-7447-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КНИГА ПЕРВАЯ. Алиса из страны чудес

В кабинет главврача психдиспансера балетной походкой вошла стройная красивая молодая женщина, натуральная блондинка в белоснежном нейлоновом халате. От нее пахло дорогими французскими духами.

«Белая и пушистая», – пронеслось в голове у Гарика. Он, не отрывая глаз, смотрел на ее высокую грудь и осиную талию.

– Алиса Викторовна, я вас одну к таким больным посылать не могу, но раз вы изъявили желание, возьмите с собой санитар и будьте с ним построже, а то совсем разболтался, на работу опаздывает, халат в куртку превратил. Нужно подробно описать состояние каждого особо опасного больного, чтобы нас потом не склоняли на каждом углу.

– Хорошо. Сделаю, – голос у врача был мягкий, бархатный и обволакивающий.

– Алиса Викторовна, на секунду останьтесь.

– Меня в машине найдете, – поднялся со стула санитар.

Гарик вернулся в диспансер, в процедурном кабинете взял длинное вафельное полотенце и направился к машине. По дороге его перехватила медсестра Кравчук.

– Фифу видел?

– Кого?

– Врачиху новую. Второй день на работе – уже порядки свои наводит. Курить персоналу у входа в диспансер запретила. Дурной пример больным подаем. Теперь по телефону в рабочее время вести можно только служебные разговоры. А куда вы едете?

– Социально опасных проведать.

– Она сама напросилась. Сегодня на планерке Лариса предписание прокурора зачитала, и разгон участковым сестрам устроила за то, что врачи социально опасных больных месяцами не видят. А эта фифа сама и напросилась. Она познакомится с больными возжелала.

– У меня зачет по хирургии, когда я готовиться буду. Там в списке только по первому участку 48 человек.

– А всего – двести. Из них 162, отсидевшие за убийство и изнасилования, – продолжила Кравчук. – До конца жизни будешь ездить.

– Ладно, я пошел, а то сейчас искать начнут.

Когда Гарик подошел к медицинскому РАФику, Алиса Викторовна уже сидела рядом с водителем.

– И где вы прохлаждались? – недовольно спросила она.

– В диспансер ходил за инструментом.

– Зачем вам полотенце на поясе?

– Руки вытирать после рукопожатий с больными.

– Гарик, хочу вас предупредить, я противник любого насилия в отношении больных. Любого больного можно уговорить посетить диспансер. Подчеркиваю, любого.

– Вы где специализацию по психиатрии проходили после окончания мединститута? – перебил врача санитар.

– В Краснолиманске.

– Я понял, что не в Ялте. В каком отделении?

– В отделении невротиков. Еще вопросы есть?

– Есть. Вы замужем?

– Для Вас это имеет значение?

– Конечно, с незамужней женщиной можно поговорить о жизни и склонить к созданию образцовой советской семьи.

– Со мной вы будете говорить только о работе! – повысила голос Алиса. – Теперь, слушайте инструктаж. Сейчас мы едем к Луговому Петру Ефимовичу. Я войду к нему в квартиру первой, а вы постоите за дверью. Я буду говорить с ним одна.

Водитель завел мотор, и медицинский автомобиль стал набирать скорость.

– У меня нескромный вопрос созрел, Алиса Викторовна, а о чем вы будите говорить с Луговым? Дело в том, что Петя Петушок отсидел за убийство и изнасилование восьми женщин. Двадцать лет назад его «опустили» в Симферопольском СИЗО.

– Я знаю об этом. Его три месяца назад выписали из отделения для психохроников. А недавно соседи написали жалобу в горздрав.

– Получается, вы в курсе всего. А вы не боитесь пополнить список любимых женщин Лугового? Такая красивая, и туда же.

– Я доложу Ларисе Ивановне, что вы меня оскорбляли в присутствии водителя.

– Если вы это считаете оскорблением, тогда извините, погорячился, – улыбнулся Гарик. – У меня от одного вашего вида слова изо рта не те выскакивают. Такая красивая, и рядом со мной.

– Я старше тебя на шесть лет. Я врач, а ты всего лишь санитар, поэтому думай перед тем, как открыть рот в моем присутствии! – неожиданно взорвалась Алиса Викторовна. – Вот, когда ты окончишь институт, получишь диплом врача, пройдешь специализацию, вот тогда мы будем говорить с тобой на равных. А пока ты никто и зовут тебя никак! И на таких женщин, как я, можешь даже не смотреть.

– Не надо так нервничать, доктор, – пошел на попятную Гарик. – Я просто хотел предупредить вас, что Лугового очень сильно возбуждают женщины модельного типа. А на блондинку к ужину он может среагировать весьма неадекватно.

– Обойдусь без твоих предупреждений!

Водитель затормозил у старинного двухэтажного дома. Алиса Викторовна, схватив карточку больного и молоточек невропатолога, первой выскочила из машины.

– Зверь-баба! – покачал головой водитель. – Ты лучше не заводишься с ней. Житья не даст, но красивая, спасу нет. Повезло кому-то, ее по шерсти надо гладить и никогда не спорить.

– Ладно, я пошел, знаток хренов, – открыл дверь автомашины Гарик. – Машину загони во двор. Клиента тащить далеко придется.

– Ты что, забирать его будешь?

– А что с ним делать. Он соседку преследует. Полюбить хочет, красивую.

Первой в квартиру к убийце вошла Алиса Викторовна. Большая светлая комната была завалена всяким хламом. Сам хозяин возлежал на кровати в атласном женском халате. Увидев врача, он спустил ноги вниз и неожиданно заговорил стихами.

– Женщина, ваше величество, о, неужели ко мне.

О, ваш приход, как пожарище, душно и трудно дышать.

Так проходите, пожалуйста, что на пороге стоять.

– Я ваш новый доктор. Пришла познакомиться, лекарство выписать, – тихо произнесла Алиса. – На что жалуетесь?

– Лекарство, это хорошо, а новый доктор лучше. Вы ближе подойдите, а то я слышу плохо, – прошептал Луговой.

Алиса остановилась в метре от больного. Она была уверена, что своим видом очаровала убийцу. В этот момент открылась дверь, и на пороге появился санитар. Реакция больного была моментальной. Он выхватил из груды тряпок топор и поднял его над головой. Еще секунда, и страшное оружие могло обрушиться на доктора. Времени на размышления у Гарика не было, путь к больному преграждала врач, и тогда санитар в два прыжка подскочил к доктору, схватил

ее левой рукой за волосы и со всей силы швырнул женщину под стол. Алиса Викторовна ничего подобного не ожидала от санитаря, и больно ударившись носом о ножку стола, заплакала.

Больной тут же попытался ударить топором санитаря, но промахнулся. Гарик, не теряя времени даром, пальцами правой руки со всей силы ткнул Луговому в глаза, после чего, набросив ему на шею полотенце, стал душить больного. Двухметровый детина рухнул на пол вместе с санитаром. Луговой отбивался до тех пор, пока у него изо рта не пошла кровавая пена и начались судороги. Санитар на минуту ослабил удавку, Луговой с шумом всосал внутрь спертый воздух и широко открыл глаза. Прямо перед ним в двадцати сантиметрах в окровавленном нейлоновом халате лежала красавица врач, которую он хотел приласкать топором. Кровь вытекала из ее разбитого носа тонкой струей. Женщина плакала и с ужасом смотрела на перекошенное злобой лицо убийцы.

– Доктор, сеанс метания топоров закончен, вы можете встать и привести себя в порядок, – улыбаясь, проговорил санитар.

Женщина с большим трудом выбралась из-под стола. Ее белоснежный халат был залит кровью, по лицу текли слезы и кровь.

– Вы платочком зажмите свой прекрасный носик, а то мы тут утонем в вашей крови, – продолжал давать советы из-под стола Гарик.

С большим трудом санитару удалось вытащить на середину комнаты брыкающегося больного.

– Вам помочь? – тихо спросила Алиса. – Может, водителя позвать?

– У нас водитель из интеллигентов, белая кость. Его дело баранку крутить. Он сюда не пойдет.

– Почему?

– Потому что у каждого своя работа. Вы мужика возбудили, я – успокоил, а Костя сейчас во сне гуляет по Стамбулу. Идите в машину и не плачьте. А мы с вашим несостоявшимся любовником еще пообнимаемся в прихожей, – пробормотал санитар, в очередной раз затягивая удавку.

До машины санитар тащил больного минут двадцать.

– Сто килограммов весит, не меньше, – сообщил он шоферу. – Другой бы уже успокоился, а этот гад так и норовит в морду заехать своей тупой башкой. Доктора изувечил.

В приемном покое больному сделали уколы, выкупали его и переодели в больничную пижаму, после чего отвели в изолятор.

Минут через сорок санитар спустился в диспансер, вошел в кабинет врача-психиатра. К тому времени Алиса Викторовна сменила халат, умылась, приняла валерьянку, подкрасила губки и успокоилась. Увидев Гарика, она стала благодарить его за то, что он спас ей жизнь. Санитар долго смотрел на шикарную блондинку, потом подошел к ней вплотную, обнял за плечи, и поцеловал так как это делают герои-любовники в американском кино. Первую минуту женщина пыталась вырваться из его цепких рук, а потом сама обняла его и прижалась к Гарику, ответив на поцелуй.

– Теперь ты поняла, кто в доме хозяин, – прошептал в самое ухо врачу санитар.

Гарик чувствовал себя победителем, но задерживаться в кабинете не стал. Он вышел, не попрощавшись, так же быстро, как и вошел в ее кабинет. Алиса ошеломленно смотрела ему вслед. Только сейчас она поняла, что произошло. Ее била дрожь. Она не могла успокоиться. Восемнадцатилетний мальчишка оказался не только сильнее ее. Своим поцелуем он неожиданно пробудил в ней уже давно забытые чувства, от которых кружилась голова в далекой юности.

Погром в хирургии

На часах было 14—30, когда Лариса Ивановна вызвала на беседу Алису.

– Я о вчерашнем ЧП хочу поговорить с вами. У вас желание не пропало по особо опасным больным ездить? У меня в три часа машина будет. Или мне другого доктора назначить?

– Зачем. Это больные с моего участка.

– Значит, поедете сегодня с Гариком по адресам.

– Мне уже пять раз из хирургии звонили. У них там алкогольный психоз, – сообщила Алиса Викторовна.

– У всех хирургов сразу? – рассмеялась Лариса Ивановна.

– Там больной палату разгромил полностью, стекла побил, капельницу.

– Алиса, у меня эти иждивенцы уже вот где сидят, – провела по горлу Лариса Ивановна. – Там шесть здоровых мужиков-хирургов. У них такие же дипломы, как у меня. И эти мужики больного не могут зафиксировать и доставить к нам по «скорой»? А у меня одни бабы. Кого я туда пошлю? Может быть, вас?

– Я поеду.

– И что вы будете с ним делать? Стекла выбьете из рук, свяжете его? Это работа для санитара. Врачам там делать нечего. Но санитар у нас работает на полставки и на работу приходит после занятий в училище не раньше трех. Вот в этом-то и главная проблема. А теперь, о вчерашнем ЧП. Если я сказала поосторожнее быть с санитаром, это не значит, что вы должны лезть к больному сломя голову. А если б Гарик не успел, замешкался, испугался? У больного в руках топор был, а не детская игрушка.

В этот момент зазвонил телефон.

– Это из хирургии звонят. Мы не знаем, что с вашим больным делать. Он в палате переломал все что мог.

– Успокойтесь. Вышлю сейчас врача к вам. Шесть мужиков с одним алкоголиком справиться не могут, – главврач, положив телефонную трубку, повернулась к Алисе. – Посетите вначале хирургию, а потом по списку. И пристыдите вы их, шесть мужиков в палату зайти боятся.

Врач и санитар вышли в коридор.

– Алиса, это судьба! – в самое ухо зашептал Гарик. – Просто всю жизнь мечтал больных из хирургии забирать. Кто бы знал, как я люблю хирургию.

– Хватит ерничать, и если еще раз назовешь меня по имени, пожалеешь, – повисила голос Алиса Викторовна.

– Все, понял. Я теперь буду вас называть правильно и торжественно: «Алиса из страны чудес».

– Только попробуй. Я тебе такие чудеса устрою. А где твоё полотенце?

– Отдыхает от трудов праведных. У мужика с черепушкой непонятки. Травматикам «сухой бром» противопоказан.

– И как же ты его забирать будешь? – подозрительно посмотрела на Гарика врач.

– А я не один, я с доктором. Как доктор скажет, так и сделаю.

– Я бы тебе сказала, кучерявый, но воспитание не позволяет, – поддела санитар Алиса. – Колпачок где от пустой головы? Ты в хирургию едешь.

– Во, блин, а вы правы. Фридман увидит меня без колпака – умрет. Поэтому я всегда ношу в кармане медицинскую шапочку, на всякий случай, но не надеваю, чтобы не портить причёску, а сейчас придется.

Доктор Фридман

В хирургии атмосфера была накаленной до предела. Две санитарки стояли под дверями палаты с огнетушителями в руках. Из-за закрытой на ключ двери слышался мат и угрозы.

– Бить человека по лицу огнетушителем запрещает международная конвенция по защите прав ребенка, – сообщил санитаркам Гарик.

– А мы его бить не будем. Мы его пеной остановим, – объяснила одна из санитарок.

– Психушку вызывали? – широко открыв дверь ординаторской, спросил Барский.

Четыре хирурга с разных сторон тут же напали на санитару.

– Пять часов психовозку ждем! – стал кричать на санитару хирург Осипов.

– Так у нас машина с трех работает. Могли бы по «скорой» привезти. Делов-то, – огрызнулся Гарик.

– Да что вы с ним говорите, Иван Иванович. Это самый тупой студент нашего училища. Он мне кости черепа шесть раз сдавал, а острый живот за сегодняшнее издевательство вообще не сдаст. Слово даю, – пригрозил Сергей Моисеевич Фридман санитару. – Пять часов назад я сообщил вашему главврачу о том, что тут происходит. Я докладную в горздрав напишу.

– Давайте с больным разберемся сначала. Меня зовут Алиса Викторовна. Я врач-психиатр. Не могли бы вы рассказать, что тут произошло.

Хирурги, увидев красавицу-врача, тут же успокоились. Они усадили ее за стол, предложили кофе, шоколадные конфеты. Женщину буквально засыпали комплиментами. Гарик стоял в стороне и с улыбкой смотрел на хирургов, увивающихся за Алисой.

– Красота – страшная сила! – громко произнес он. – Может, делом займемся, а то у нас вызовов море. Алису Викторовну убийцы ждут и извращенцы. Она без них жить не может.

– Что ты тут комментируешь, – подлетел к Гарику Фридман. – Ты еще не понял, что с больным теперь и без тебя разберутся. Иди, отдыхай, лентяй. «Острый живот» учи. Я тебя спрошу завтра по всей форме.

– Да не вопрос. Отдохнуть, я всегда, с удовольствием, – буркнул под нос санитар и спустился вниз к машине.

– Я вам расскажу сейчас все об этом больном, – подкатился к Алисе Иван Иванович Осипов. – Это мой больной. Поступил он к нам с закрытой черепно-мозговой травмой. На третий день развился психоз. Появились слуховые галлюцинации. Бред преследования. Я вызвал невропатолога. У нас же к психиатрам без консультации невропатолога звонить нельзя. Они у нас белая кость. Невропатолог свое исключил, говорит, звони главврачу психбольницы. Пять часов назад позвонили первый раз. У нас операционный день сегодня, а мы не можем работать.

– Поговорить с больным сами не пробовали?

– Да как туда войти? Он стеклами вооружился. Невропатолог свое заключение по истории болезни писал.

– У нас в больнице тоже одни женщины работают, я санитару привезла, а вы его выгнали, но я попробую с ним поговорить, – улыбнулась Алиса.

– Погодите, Алиса Викторовна, – вмешался в разговор Фридман. – У нас все хирурги мужчины, а от санитары вашего никакого толку. Он пять раз зачет пересдавал по «острому животу». Что он тут делает?

– Я все поняла, давайте двери открывать.

– Нет. Мы вас туда не пустим одну. Вы что думаете, если мы хирурги, то мы не мужчины? – приосанился Фридман. – Говорите, что делать.

– Если действовать по инструкции, то к такому больному подходить надо с четырех сторон, держа в вытянутых руках одеяла. Потом ему набрасывают на голову одеяло, кладут на кровать и делают уколы. Я назначила аминазин, четыре кубика внутримышечно.

– С четырех сторон не получится. Протиснуться в дверь с одеялами смогут только двое, но мы попробуем, – пообещал Фридман.

Первым в палату, прикрываясь одеялом, влетел Фридман. Вторым вошел Осипов, и замыкала делегацию Алиса Викторовна. В руках она держала блестящий молоточек для проверки рефлексов. Больной с двумя кусками стекла в руках стоял в дальнем углу, и когда к нему приблизился Фридман, несколько раз ударил стеклом в одеяло. Фридман закричал, бросил одеяло и выскочил из палаты, поливая кровью коридор. Оказалось, что больной перерезал ему вены предплечья. Вторым резаные раны рук получил Осипов. Алиса поле боя покинула последней. Ее попытка заговорить с больным чуть не стоила ей жизни. Больной с криком бросился за врачом, но был остановлен мощной струей из огнетушителя. Под огнетушитель попала и Алиса, но в отличие от больного пеной ей залили только грудь и шею.

Пока участники кровавой битвы приходили в себя, смывая пену и делая перевязки, о ЧП в хирургии сообщили в горздрав, а оттуда позвонили главврачу психбольницы.

– Алиса Викторовна, что у вас там происходит? – позвонив по телефону в ординаторскую, спросила Лариса Ивановна.

– Больного пытались нейтрализовать.

– Мне звонили из горздрава, сказали, что два доктора ранены.

– Больной порезал стеклом Осипова и Фридмана, – доложила Алиса Викторовна.

– А где наш санитар?

– Ушел. Его Фридман выгнал из ординаторской. Доктор Фридман ему хирургию преподает.

– С твоим Фридманом мне все ясно. Но я за больным посылала санитаров психбольницы, объясни мне, что там хирурги делали? – закричала Лариса Ивановна.

– Инициативу проявили. Мне помочь хотели, – смутилась Алиса.

– Найди мне Гарика, я ему сейчас устрою.

– Его нет в отделение. Он ушел.

Минут через пять главврач больницы смогла дозвониться по радию до водителя машины.

– Где этот негодяй? – закричала Лариса Ивановна.

– На носилках лежит. Хирургию зубрит.

– Передай ему трубку немедленно.

Гарик не спеша перебрался в кабину водителя.

– Ты почему Алису Викторовну бросил в больнице?

– Меня Фридман прогнал. Они там кобеляж перед Алисой устроили, а меня на мороз.

Мол, сами с усами. Я и ушел, – обиженным голосом, произнес Гарик.

– Я тебе устрою «кобеляж». Из-за тебя два ведущих хирурга получили тяжелые травмы. Кто теперь больных оперировать будет? Бегом наверх, заведи больного, и на глаза сегодня мне лучше не попадайся! Вопросы есть?

– Нет.

Гарик лениво потянулся и стал вылезать из машины.

– Как ты его возьмешь без полотенца? – спросил водитель.

– Голубоглазый, а ты женщин через полотенце мацаешь, или напрямую?

– Напрямую. Сравнил тоже, – удивился шофер.

– Вот и я на свидание с любимой женщиной решил идти с открытым забралом и голыми руками. У тебя чистый белый листок бумаги найдется?

– Нет. Газета есть, «Правда».

– Костя, твоя «Правда» для сортира хороша, а я картину хочу написать абстрактную в духе соцреализма.

– Тоже мне художник нашелся. Иди за психом, а то сейчас сюда Лариса прилетит. Тогда тут всем мало не покажется.

– Никакого в тебе, голубоглазый, романтизму нету. Сплошные угрозы и мат, а я, может, фотомодель охмурить хочу, – мечтательно произнес Гарик. – А теперь слушай мою команду. Машину подгони к входной двери. Дверь в дверь без зазора. Двигатель включи и жди явление Христа народу.

– погоди, а посетители в больницу, как пройдут, персонал.

– Не хрен им там лазить. Всех гони в шею. Спецоперация идет, понял? И чтоб в коридоре никого не было. Подвернется под руку кто-нибудь, убью!

Гарик не спеша поднялся на третий этаж, зашел в ординаторскую. За столом сидела Алиса и два хирурга с перевязанными руками.

– Господа-товарищи! Одолжите мне белый лист бумаги.

– Завещание писать собрался? – спросил Фридман, протягивая вырванный из тетрадки листок бумаги.

– Как же без завещания. Я, Фридман Сергей Моисеевич, находясь в полном здравии и при полной памяти, – продолжил Гарик.

– Ты у меня сейчас получишь, – поднялся из-за стола Фридман.

– Правильное решение, Сергей Моисеевич. Разгоните людей из коридора и этих монстров с огнетушителями уберите от дверей, а то они и меня пеной, как Алису Викторовну. А я не люблю пену, я нормальный.

– Гарик, ты что собрался делать? – поднялась из-за стола Алиса Викторовна.

– Ничего страшного. Вы не волнуйтесь. У вас хорошая мужская компания, пейте чай с шоколадными конфетами. Это ж такой дефицит. И где их хирурги покупают? А я уж сам как-нибудь. Только людей из коридора и с лестницы уберите, чтоб работы вам не прибавить. Всех, до единого.

Фридман выскочил в коридор, загнал больных в палаты, наорал на персонал и отправил в сестринскую санитарок с огнетушителями.

Гарик не спеша снял халат, положил его рядом с Алисой.

– Как этого психа зовут?

– Вадим, – быстро ответила Алиса. – Вадим Соловьев.

– У меня к вам большая просьба, Алиса Викторовна, поухраняйте сей предмет медицинской гордости, а то у нас без халата нынче нельзя. Не дай бог шапочка пропадет, со свету изживут злые монстры.

Сказав эти слова, Гарик подошел к двери палаты, тихонько повернув ключ, заорал диким голосом: «Я твой спаситель! Ты меня звал, и я здесь! Смотри! Смотри сюда!».

Гарик, размахивая листом бумаги, в два прыжка преодолел расстояние, которое отделяло его от больного.

– Вадим! Смотри сюда! Дом видишь!? – ткнул пальцем в бумагу Гарик.

– Вижу, – пробормотал мужчина, поднимая вверх окровавленные руки с осколками стекла.

– А дым из трубы видишь?!

– Вижу.

– А за трубой кто стоит?

– Мужик прячется.

– Соловей, бежим! Это убийца! Быстрее! Не оглядывайся. У двери машина стоит! Не бойся! Нас пасут! Быстрее! Не останавливайся! Бежать! Вперед!

Алиса, хирурги и медсестры с ужасом смотрели на бегущих по коридору Гарика и вооруженного стеклами больного с окровавленными руками. На лестнице они сбили с ног какого-то старика-посетителя и сестру-хозяйку из травматологии.

– Не останавливаться! – орал Гарик. – Дорогу! Все ушли. По норам! Убью!

Добравшись до первого этажа, санитар затащил больного в машину. Хлопнул дверцей, и водитель, включив сирену, понесся в сторону психбольницы. В приемном покое санитар бросил больного на кушетку, отобрал у него стекла и с помощью санитарок стащил с него всю одежду. Тут же больному сделали успокаивающие уколы, обработали раны и отнесли в надзорную палату.

За всем этим со стороны наблюдала Лариса Ивановна. Когда Гарик спустился в приемный покой, она подошла к санитару и бросила сердито: «Зайди ко мне!».

– Это как понимать! – стала кричать главврач на санитаря. – Я тебя послала за больным, а ты в хирургии кобеляж устроил.

– Я устроил, да эти кобели хирурги меня сразу и выгнали из ординаторской, как Алису увидели. Претензии к Фридману. Он Алисе кофий наливал с шоколадными конфетами. Могли б и меня, передовика производства, чашкой кофе осчастливить.

– Кофе хочешь?

– Чем я хуже Алисы.

Лариса Ивановна включила электрочайник.

– Как ты его из палаты вытащил? – успокаиваясь, спросила она.

– У него зрительные галлюцинации. Я ему на бумаге показал дом и мужика, который прячется за трубой, после чего мы побежали. Классика жанра и никакого гипноза.

– За находчивость, благодарность, а за издевательство над хирургами – смертный приговор.

Королева Марго

- Костя сидел в машине и доедал караимский пирожок.
- Ну, что, вставила тебе Лариса? – спросил водитель.
 - Обещала медалью наградить за спасение Фридмана на пожаре.
 - Фридман за сегодняшнее представление вообще зачет тебе не поставит.
 - Поставит. Мне этот «острый живот» уже во сне снится вместе с Фридманом.
 - Едем куда?
 - Сначала за Алисой. Она нас у входа в больницу ждет, а потом к королеве Марго.
 - А Марго тут при чем?
 - Социально опасная. У нее судимость за развращение малолеток.
 - Тоже мне, социально опасную нашли: баба, как баба, – возмутился водитель.
- Алиса села рядом с водителем. Передала Гарику его халат и сообщила:
- Лариса Ивановна сказала, чтобы мы посетили королеву Марго. Но у меня нет ее карточки.
 - Карточка не нужна. Она сама все расскажет, – махнул рукой Гарик. – Не слышу восторгов.
 - Два дурака неслись по лестнице, старика чуть не убили. Его еле откачали, – нахмурилась Алиса.
 - Опять я виноват. Я же Фридману сказал, чтоб дорогу освободил, – возмутился Гарик.
 - Так никому и в голову прийти не могло, что ты там устроишь? Я думала, что ты стекла отберешь у больного и свяжешь его.
 - Бритвы и стекла я из рук больных не выбиваю. Не мой профиль.
 - Почему?
 - Личико могут порезать. Я видел в Симферополе санитаров, которые на бритву шли.
- Все лицо в шрамах. Женщины целовать не будут.
- Мне кажется, ты не прав. Мужчину шрамы украшают.
 - Алиса, тогда с тебя поцелуй. У меня рубаха в крови.
 - Больной тебя порезал в машине? – с тревогой спросила Алиса.
 - Нет. На мне кровь моего врага, кровь Фридмана.
 - На мне тоже. Ему же вену больной перерезал. И напрасно ты на него буром идешь. Фридман нормальный мужик, классный хирург, а зато, что он из тебя душу выматывает за «острый живот» и внутренние кровотечения, – потом благодарить будешь. Пропустил «острый живот» – похороны. Ты же не хочешь людей убивать?
 - Не хочу.
 - Тогда зубли симптомы «острого живота».
 - Что делается. Любимую женщину Фридман за полчаса перевербовал чашкой кофе и шоколадными конфетами «Белочка». Он теперь хороший, а я тупой студент. Костя, пойду утоплюсь. Ты был прав. Не любит она меня, а тут еще и Лариса выговором грозит за всенародный подвиг.
 - А ты как думал. Женщинам умные мужчины нравятся. Кулаками махать – много ума не надо, – улыбнулась Алиса.
 - Приехали, – прервал разговор Костя. – Марго на третьем этаже живет.
- Гарик помог выбраться из машины доктору, а когда они вошли в подъезд, Алиса вдруг прильнула к нему и шепнула: «Ты молодец. Я удивлена. Хирурги были в шоке».
- Марго в коротеньком халатике колдовала на кухне. На вид ей было далеко за сорок. Толстые стройные ноги, узкая талия и огромные груди выдавали в ней топ-модель тридцатилетней давности. Она оценивающе посмотрела на санитаря.

– Не жалеешь?

– О чем? – напрягся Гарик, внимательно наблюдая за руками больной.

– Чего испугался? Насиловать не буду, – расплылась в улыбке женщина. – В машине хотела вас двух дураков приласкать, а они вместо того, чтобы получить удовольствие, связали меня как террористку. Я когда санитарам в приемном покое рассказала, как вы от меня защищались, мужики ржали. А теперь за руками следит. Бойтся, чтоб я его сковородкой горячей не огрела по башке. Свидетельницу привел.

– Я не свидетельница, я участковый врач-психиатр. Вы будете у меня наблюдаться.

– Хочешь меня вылечить от любви, – громко расхохоталась Марго. – Ты на себя посмотри. Поди, тоже с модельного бизнеса начинала, врач-психиатр! Какой из тебя психиатр с такой фигурой. Мужики-психи будут кидаться на тебя как на бабу, а больные бабы возненавидят красотку за красоту, потому что санитары и фельдшера теперь не на них, а на тебя будут пялиться. Вон, смотри, как у кучерявого глазки горят, когда на тебя смотрит. Заходи в комнату, спрашивай. Я правду говорю, потому что у меня справка есть, а все остальные врут тебе в глаза. И Ларису бойся, себе на уме. Она тоже красивых баб ненавидит. Меня в дурку упрятала за красоту и страсть.

Алиса с Гариком вошли в комнату вслед за Марго. В комнате был идеальный порядок. Ни соринки.

– Одна живу, – пояснила женщина. – Так что тебя интересует?

– Как вы попали на учет? Что с вами случилось?

– Я в Москве жила. Учительницей в школе работала. Муж был никакой. Деньги приносил домой, спали вместе, вначале меня все устраивало, а потом почувствовала тягу к пацанам шестнадцатилетним. Урок преподавать захотелось. Стать первой учительницей в этом деле. Для себя выучить. Но в Москве я подобные желания отметала, а когда поехала на курорт, решила попробовать то, что ночами во сне видела. На пляже выбрала 16-летнего пацаненка-южанина. Домой привела. Вином угостила. Потом оказался он в моей постели. Сам приставать стал. Я ж учительница, знаю, как свои желания в желания учеников превратить. На первых порах от этой любви одна головная боль оставалась, после него приходилось снимать стресс с местными музыкантами. А потом смотрю, и у моего ученика что-то получаться стало. А на 21—й день у нас такая любовь случилась, что я сама чуть с ума не сошла, а уж про пацана и говорить не буду. У него до конца жизни такой любви не будет. Вот с этого все и началось. Я поняла, что мне от этих мальчиков надо, и учила их тому, чего больше всего сама хотела.

– А на учет как попали?

– Пока на курортах гуляла, все было тип-топ. А однажды москвича привела к себе 16-летнего. Короче, узнала его мамаша, к кому он в гости ходит. Пацана в милицию на учет, а меня в дурдом на лечение.

– Судимость за что?

– Тогда и осудили за этого пацана к принудилровке. В СССР же секса не было никогда. Натихаря, что угодно, но стоило засветиться где-нибудь, тут же туши свет.

– А сейчас не тянет с мальчиками повторить свой прошлый опыт?

– Это вопрос или предложение?

– Вопрос, – улыбнулась Алиса.

– Если честно, и сейчас хочу с твоим телохранителем переспать. Отдашь в аренду на ночь?

– Гарик же не хочет.

– Боишься. И правильно делаешь. После меня мужики своих баб бросают. Я такие привороты знаю. Объявления на столбах видела: «Потомственная ведьма Марго. Стопроцентный приворот»? Это моя реклама. Но для жизни мне сейчас крепкий, настоящий мужик нужен. Пацаны таким как ты интересны. А в сорок пять настоящий мужик нужен, который способен

бабу всю ночь гонять по кровати. Так что с учета снимай из-за смены ориентации. А вот он подходит. Руку так крутанул, до сих пор болит. С виду дохляк, но как вцепится, не оторвешь. То, что мне нужно сегодня. И там у него все в порядке. Я проверяла, когда они мне в машине руки крутили. Мой размер.

– Марго. При молодом человеке такие слова. Он же мальчик не целованный.

– Так я тебе и поверила, не целованный. Честно признайся, положила глаз на кучерявого?

– Марго, у меня муж молодой, зачем мне коллега по работе?!

– Не зарекайся, докторша, не зарекайся. Тебя от этой любви одни беды ждут. А я бы его научила всему. Может, оставишь на одну ночь?

– Нет! Самой пригодится, – улыбнулась Алиса. – Вы скажите спасибо, что я вас дома оставила после таких слов.

Алиса попрощалась с Марго и, подхватив в подъезде под руку Гарика, шепнула ему: «А ты, оказывается, повышенным спросом у старых шизофреничек пользуешься».

– Тут и не такое услышишь, – смутился Гарик. – Врет она все.

– Скажи, а зачем нас Лариса сюда послала? Марго по ошибке на спецучете стоит. Она уже давно ни для кого никакой опасности не представляет. Может, она ревнует тебя ко мне?

– Сказанула. Лариса же старуха.

– Да не такая уж она и старуха. Ей еще и сорока нет, и она уже год без мужа.

– Если бы Лариса хотела чего-то такого, давно бы меня пригласила к себе, а она только орет за каждую мелочь. Хирургам псих руки порезал, а я виноват. Новая докторша пристает ко мне – я виноват.

– Я тебе за такие слова язык вырву. И близко теперь ко мне не подходи.

– Я б и рад, но у нас клиент шибко нервный. Инженером в НИИ работал. Что-то там открыл сверхсекретное, а потом свихнулся. Бабу свою приревновал к милиционеру и убил топором. Потом с этим топором к участковому заявился. Кастрировать хотел, но не смог. Успел только руку отрубить. Все остальное при нем осталось.

– Этого придурка ты выбрал из списка? – напряглась Алиса.

– Нет. Лариса. К нему медсестры не ходят. Боятся, чтобы он и им чего-нибудь не отрубил.

– Тебе не кажется странным этот подбор больных в один день. Старуха-педофилка, муж-убийца с бредом ревности, – пристально посмотрела на Гарика Алиса.

– Ты к этому списку еще и кобелей из хирургии приплюсуй. Ларисе они кофе ни разу не наливали, а тебя еще и шоколадными конфетами угостили. Чувствуешь разницу?

Убийца из НИИ

Алиса подошла к машине и села рядом с водителем.

– К кому едем теперь? – спросил Костя.

– К инженеру из НИИ на Революцию, – сказал Гарик.

– Нашли куда ехать на ночь глядя. Может, завтра с ним пообщаетесь?

– Лариса сказала в морг, значит, в морг, – буркнул санитар.

– Ну и шутки у тебя дурацкие. Алиса Викторовна, это очень опасный больной, – продолжил водитель. – Лариса к нему ни разу домой не ездила, а вас послала.

– Чего каркаешь, – неожиданно взорвался Гарик. – Еще одно слово скажешь, убью. Алиса Викторовна, за спиной моей стойте в двух метрах, чтоб у меня место для маневра было. Я говорю с ним. Пока не обыщу – не подходите.

Инженер Свистунов никого не ждал. Увидев незваных гостей, он сразу помрачнел и напрягся.

– Руки покажи, профессор, – неожиданно заорал Гарик. – Вверх руки, пальцы разжал!

Гарик быстро обыскал больного и мгновенно вытащил из-за пояса немецкий штык со свастики на лезвии. После чего швырнул больного на пол, заломив руку.

– Кого убить хотел? – заорал Гарик. – Быстро отвечать, пока не убил.

– Тебя, санитар, и бабу мою. Ты зачем у меня жену увел? Такую красивую!

Больной смотрел на Алису и заливался слезами.

– Тут нет вашей жены. Я врач-психиатр. Буду вас лечить.

– Мне не нужен врач. Ты моя жена. Он украл тебя. Изнасиловал, надругался! Мне плохо. Сердце. Отпусти, мне лекарство надо.

– Гарик, отпусти его. Ему плохо с сердцем.

– Его нельзя отпускать. У Свистунова обострение. Он опасен.

– Нет. Отпусти больного. Ему надо выпить лекарство.

– Его грохнуть тут надо, тварюгу, жену и ребенка убил, мента покалечил.

– Отпусти, я сказала! – перешла на крик Алиса. – Нельзя так с больными. Он не виноват.

Это болезнь.

Гарик со злостью отшвырнул от себя больного.

– Где твое лекарство!? Быстро.

– Я сейчас, я быстро, – больной подбежал к тумбочке и вытащил оттуда опасную бритву. –

А теперь, подходи.

– Гарик, у него бритва!

– Я ж тебе говорил, что это за тварь. Беги отсюда! Беги!

– Я не пойду, я не могу!

– Вон отсюда! У него бритва. Ментам звони. Пусть пристрелят эту суку!

Алиса выскочила из квартиры и побежала к машине. Костя переключил рацию на милицескую волну и вызвал подмогу.

– Боишься! – расплылся в улыбке больной. – Бабу мою украл, а бритву испугался. У меня острая бритва. По шее чиркну, и все! Труп. А потом я тебя кастрирую, чтобы ты больше не мог прикасаться до моей жены. И бабу твою порежу.

Гарик взял в руки стул.

– Ну, подходи, «ботаник»!

– Я не ботаник! Я – мститель! Джеймс Бонд! – с этими словами Свистунов бросился с бритвой на санитаря. В последнюю секунду Гарик удалось разнести на голове больного стул. Свистунов рухнул на пол, но бритву не отпустил.

– Брось бритву, урод! Бритву брось!

Барский попытался ударить больного вторым стулом, но на этот раз Свистунову удалось увернуться. Пока Гарик искал что-нибудь подходящее для очередной атаки, больной, издав дикий крик, бросился с бритвой на Гарика. Бритва проскользнула в двух сантиметрах от лица санитаря, Ему чудом удалось схватить смертоносное оружие левой рукой и вырвать бритву из рук больного. В этот момент в комнату ворвались милиционеры с автоматами в руках.

– Не стрелять! – заорал санитар. – Не стрелять!

Милиционеры надели на больного наручники и усадили его в милицейский УАЗ. Рана на руке оказалась настолько глубокой, что Гарика под сиреной повезли в приемный покой горбольницы. В эту ночь дежурным хирургом оказался Фридман. Осмотрев рану, он отправил Гарика в операционную.

– Надо руку спасти. Он может остаться без кисти, – проговорил Фридман.

Через несколько минут в хирургическом отделении появилась главврач психбольницы Лариса Ивановна. Увидев Алису, она завела ее в пустую ординаторскую.

– Докладывай, что случилось.

– Я виновата во всем. Это я просила отпустить больного, и Гарик выполнил мою просьбу.

– Докладывай по порядку, я потом сама решу кто прав, а кто виноват.

– Мы приехали к больному. Уже было темно. Больной сразу не понравился Гарик. Он обыскал его и нашел за поясом немецкий штык. Он хотел отвести его в машину, но Свистунов стал симулировать сердечный приступ, и я попросила санитаря дать ему лекарство. Он подвел больного к тумбочке, а там лежала опасная бритва.

– Мне не понятно, почему он остался, когда увидел в руках у больного бритву? Почему не ушел с тобой? Он же тебя предупреждал, что бритвы и стекла из рук больных он не выбивает. Он говорил тебе это?

– Да, но я не подумала.

– А ты думать научись перед тем, как персоналом командовать. У нас врачи во время стационарирования больных не вмешиваются в работу санитаров. Не царское это дело, потому что завтра больной будет жаловаться врачу на санитаров, а если ты стояла рядом или давала команды персоналу – какой ты судья? Ты такой же враг больного, как и санитар. А тебе лечить больного надо, анамнез собрать. Врач стоит над схваткой. Он в глазах больного высшая справедливость, третейский судья. Это первое. А теперь о том, что скрыто. У каждого человека в этой больнице свои тараканы в голове. Ты знаешь, почему Гарик боится бритвы? Потому, что у него на глазах больной шизофренией перерезал горло санитару из Ялты. Санитар тот умер за три минуты, после чего сотрудники приемного покоя республиканской больницы забили больного насмерть ногами. Их целый год таскали по следователям.

– Я не знала об этом, – ужаснулась Алиса.

– Ты специализацию проходила в отделении неврозов, а советская психбольница – это другое. Здесь все на нервах. С одной стороны больные со своими проблемами, а с другой стороны баррикады – персонал с очень непростой биографией. К каждому надо найти особый подход. И главное помни, нам не нужны герои и избитые до полусмерти больные. Вам надо было закрыть входную дверь и вызвать милицию, и они бы решали, что делать с убийцей. Ты не должна была оставлять санитаря одного с опасным больным. У него же бред ревности. Его судили за убийство, он проходил принудительное лечение. Ему место в «крытой» больнице. А теперь, после вооруженного нападения на санитаря, он долго не проживет.

– Почему?

– Санитары не любят таких больных. Красная полоса на истории болезни и надпись «Нападение на персонал» – это смертный приговор. И никто этого психа уже не спасет.

– Но ведь бить больных запрещено.

– У нас его никто и пальцем не тронет, а вот в «крытой» больнице на первом посту с ним церемониться не станут. И в его проблемах виновата будешь ты. Если бы вы его усадили в машину и привезли в отделение, он бы вернулся домой через месяц.

– Я испугалась, он хватался за сердце, задыхался, я боялась, что он умрет, – прошептала Алиса.

– Дело не в приступе, а в том, что на месте этого больного ты увидела своего мужа. Инженер в молодости был добрый, умный, ласковый, а жена его предала. Она полюбила настоящего мужчину и переспала с милиционером. А в этом городе ничего не скроешь. Ее муж узнал об измене и стал следить за ней. А потом убил жену, ребенка и тяжело ранил любовника своей жены. У нас четверть больных с психозами страдает бредом ревности. Тебе эта история ничего не напоминает?

– Нет! Я люблю своего мужа.

– Вот и иди к мужу, – приказала Лариса Ивановна. – И забудь об этом мальчишке. Эта игра в любовь плохо кончится не только для тебя, но и для всех нас.

Голубая любовь

Недалеко от больницы Алисе неожиданно дорогу преградил молодой красивый мужчина в дорогом костюме. Он спросил, как пройти в библиотеку.

Алиса остановилась, оценивающе посмотрела на незнакомца и сказала с издевкой в голосе: «Вы можете произнести другие слова?».

– Мужчина тут же упал на колени и продекламировал по-актерски громко: «Я вас люблю!».

– Достаточно, – улыбнулась Алиса и деловой походкой направилась в сторону больницы. Когда она вошла в диспансер, парень, прочитав вывеску, нерешительно остановился, а потом развернулся и, втянув голову в плечи, ушел в сторону моря.

Алиса с интересом наблюдала за незнакомцем через окно своего кабинета. Мужчина ей понравился.

– Значит, у меня все еще все впереди, – тихо произнесла она.

Но впереди ее ожидало не романтическое свидание с таинственным незнакомцем, а поездка к художнику Старовойтову.

– Жалобу нам переслали из ЦК КПСС на Руслана Старовойтова, – протянула Алисе после окончания пятиминутки письмо с красным штампом Лариса Ивановна. – Сосед пишет, что Старовойтов поселил у себя в комнате непрописанного танцора из балета Каретникова Вячеслава.

– Днем и ночью они спят в одной кровати и занимаются половым развратом, – процитировала Лариса Ивановна письмо ветерана внутренних войск МВД.

– А мы тут при чем? – недовольно спросила Алиса Викторовна. – Пусть милиция разбирается, кто с кем спит.

– Руслан Старовойтов отсидел в тюрьме семь лет за мужеложство. В деле есть заключение судебно-психиатрической экспертизы. Диагноз: шизофрения, простая форма. На учете, как социально опасный. Карточка с двойной красной полосой. В анамнезе – нападение на персонал. Поедешь с Барским. Его забирать надо. Вопросы есть?

– Есть. Лариса, скажи честно, почему ты меня с Гариком все время посылаешь к извращенцам и убийцам? Старовойтов живет на втором участке. Почему я должна оформлять его в больницу? О нем по «Свободе» говорят, по «голосам» разным. Он известный художник. Ты хочешь, чтоб и обо мне стали говорить на радио «Свобода»?

– Какой он художник, я не знаю, но в психбольницу Старовойтов попал после того, как его картины показали Хрущеву. А Хрущев всех участников выставки обозвал педерастами. Вот и загудел в тюрьму после выставки Старовойтов. ЦК же на особый контроль дело художников-абстракционистов поставил.

– Так Хрущева уже давно нет в Кремле.

– Хрущева нет, а ЦК КПСС остался.

– Хорошо. Есть жалоба на художника, но я какое отношение к Старовойтову имею? Это же не мой участок.

– Правильно, не твой, но Шполянскую я не могу послать к Старовойтову.

– Почему?

– Потому что Раиса Васильевна не найдет оснований для его помещения в психбольницу, а я не хочу нарываться на скандал. Есть партийная установка с самого верха: «голубых» – каленым железом! А тут еще ветеран МВД перевозбудился из-за того, что ему общей ванной пользоваться приходится с каким-то педерастом. Короче, письмо закрыть нужно сегодняшним числом. Шполянская дотянула до последнего. Перед тем, как поехать к Старовойтову, Гарика

пришли ко мне на инструктаж. И в санитарские дела больше не лезь. Твое дело в стороне стоять и наблюдать за этим «голубым» цирком.

Через пять минут в кабинете главврача появился санитар.

– У тебя удостоверение дружинника с собой? – спросила Лариса Ивановна.

– В кармане.

– Покажи.

Гарик передал удостоверение главврачу.

– Командир оперативного комсомольского отряда, – прочитала вслух Лариса Ивановна.

– Задерживать правонарушителей имеешь право?

– Конечно. Наш отряд – добровольная народная дружина при угрозыске, – пояснил

Гарик. – А чего надо?

– Художника Старовойтова в больницу привезти.

– При чем здесь удостоверение? Он у нас на учете стоит? Только Шполянская его не положит. Напрасные хлопоты. Она всех «голубых» считает нормальными.

– С Алисой Викторовной поедешь.

– Это подстава, Лариса Ивановна. Шполянская ей художника не простит. Она сожрет молодую! – возмутился Гарик.

– Направление Старовойтову оформит Алиса Викторовна, повысила голос главврач. Закроем на трое суток, а там решим. Людей наверху его любовник интересуется. Пора на учет ставить.

– Так их на горячем брать надо, – засомневался Гарик.

– Вот и бери прямо в постели. Короче, когда эти двое начнут, сосед взламывает дверь и первым войдет в комнату Старовойтова, следом за ним – возмущенная общественность. И только после них ты с удостоверением в руках. Громко, чтобы все слышали, объявишь, что ты дружинник, и удостоверение покажешь свидетелям.

– Лариса Ивановна, я не въехал. Зачем так понтовать? Я этих «голубых» и без удостоверения заламаю.

– Мне заламывать там никого не надо. Балерун – на учете не состоит. Надо сделать так, чтоб он на тебя, на дружинника, напал, сопротивление оказал, драку устроил. Короче, совершил противоправные действия в отношении народного дружинника в присутствии свидетелей. Теперь понял?

– Понял.

– Ну, и чего сидишь?

– А Алиса знает, что мы там будем делать с этими «голубыми»? Может, она в машине посидит, пока мы их заактируем.

– Нет. Пусть привыкает. Она сама себе работу выбрала. Мне вторая Шполянская в диспансере не нужна. Здесь ты или психиатр, или наш пациент. Третьего не дано.

Гарик вышел во двор, сел на свое место в машине и стал наматывать на кисть левой руки вафельное полотенце.

– Алиса Викторовна а вы не хотите в машине с Костей посидеть, пока я с «голубыми» буду разбираться. А уж когда мы с ними все вопросы решим, и все это безобразие штанами прикроем, зайдете вы вся в белом, с французскими запахами, которые с ума сводят настоящих мужчин даже в психовозке.

– Слушай, настоящий мужчина, это тебе главврач на инструктаже сказала?

– Нет, что вы, инициатива снизу. Если что не так – безграмотный санитар во всем виноват. И заголовок на «Свободе» мою самооценку поднимет на небывалую высоту: «Санитар Барский из Казантипа избил голубых во время акта». Представляете, какими глазами после этой передачи на меня женщины будут смотреть!?! Борец за права женщин. В СССР мужиков и так не хватает на всех, а тут еще эти женоненавистники со своими оргиями.

– Клоун, рот закрой! – неожиданно взорвалась Алиса. – Я еду к Старовойтову разбираться с жалобой его соседа. Все остальное меня не интересует. Выявлять преступников должна милиция, а не мы. Ты меня понял!?

– Так и я о том же. Мы же с вами ангелы смерти в белых халатах. Кстати, Алиса Викторовна, прическа мне ваша нравится очень. Вы такая красивая и загадочная стали, что я прямо здесь готов стать перед вами на колени и попросить прощения за все свои прошедшие и будущие грехи.

– Алиса Викторовна, не обращайтесь внимания на этого балабола. Приехали. Старовойтов на третьем этаже живет. Только вы к нему близко не подходите, он просто бешеным становится при виде женщин. В прошлый раз его с милицией еле взяли.

– Потому что со Шполянской поехали, – подхватил тему Гарик. – Она защищать его стала, Ларисе звонила, на меня докладную написала.

– А ты был не виновен, потому что весь в белом, – поддела Гарика Алиса.

– Я так и не понял, в чем моя вина была. Постучал в дверь, а в комнате Старовойтов с каким-то мужиком. Я и слова сказать не успел, как он пощечину мне отвесил.

– И что потом было?

– Все по инструкции. Я ему хомут на шею в состоянии аффекта, а дружок Старовойтова кинулся отбивать больного, а тут еще Шполянская истерику закатила, чтобы я художника не душил, потому что он талант и светлая личность. Ну, и врезал я им обоим от души, чтоб руки не распускали.

– Я читала в карточке, что ты с ними сделал. Раиса Васильевна подробнейшим образом описала в амбулаторной карте, как санитар и два милиционера избивали художника и его гостя-скрипача.

– Так сами ж виноваты. Если я санитар, так мне с порога можно и в морду? Со мной такое не проходит.

– А с гостем что потом было. В карточке о нем ни слова?

– С гостем нормально все случилось, его хотели за мужеложство привлечь, а потом хулиганкой ограничились. Четыре года за мордобой с малявой о том, что он зашкареный. Короче, опустили его в СИЗО за немужское поведение.

– И ты этим гордишься?

– А я тут при чем? Мне сказали, я поехал. Его сама Шполянская отмазать не смогла, а она психиатр с двадцатилетним стажем. Жалобы во все инстанции посылала. Комиссия приезжала даже из Москвы. И все эти уважаемые люди признали меня правильным пацаном, который действовал в пределах необходимой обороны. А Шполянской выговор вкатали за клеветнические сигналы в ЦК КПСС. После этого она со мной не разговаривает.

– Все. Хватит болтать. Вначале пообщаемся с соседом.

Врач выскочила из машины и быстрым шагом направилась к дому, где жил Старовойтов. Дверь в коммуналку была открыта. У входа в квартиру их встречал коротконогий плотный мужчина. На вид ему было около пятидесяти.

– Проходите ко мне. У нас все готово.

В скромно обставленной комнате по стенам висели фотографии бравого старшины на фоне казармы и киевского СИЗО.

– Вы кем раньше работали? – посмотрев на фотографии, спросила Алиса Викторовна.

– В НКВД служил.

– Вертухаем в тюрьме, что ли? – уточнил Гарик.

– Я в расстрельной команде служил, сопляк, – зло посмотрел на Гарика хозяин комнаты.

– Гарик, рот закрой, – поддержала заявителя Алиса. И, повернувшись к мужчине, продолжила. – Мне передали вашу жалобу на Старовойтова. Из письма я так и не поняла, чем он вам не угодил? Он угрожал вам, совершал агрессивные действия?

– Мне – угрожать, – вдруг заржал мужчина. – Не вырос еще такой человек, кто бы меня запугать смог. Я эков приговоренных расстреливал.

– Я хочу уточнить. Ни вам, ни членам вашей семьи Старовойтов не угрожал и никакой агрессии не проявлял?

– Пусть попробует, да я его в порошок сотру!

– Понятно. А зачем же вы это письмо в ЦК написали? – продолжила разговор Алиса Викторовна.

– Так он же пидор, доктор. Я сообщил, куда следует. Мне предложили понаблюдать за ним и его связями.

– А как вы узнали, что он в одной кровати с посторонним мужчиной «занимается всякими извращениями»? – процитировала письмо врач.

– Так слышно все. Банку литровую к стене приложу, и каждое слово слышу, – мужчина приставил к стене банку и стал слушать. – Вот сейчас разговаривают и целуются. На кровать легли. А теперь, скрип пошел, как в раж войдут, будем брать.

– Но мы не можем вломиться в чужую квартиру без санкции прокурора, – попыталась остановить бдительного соседа Алиса Викторовна.

– Вы не можете, потому что при исполнении, – легко согласился мужчина. – А я могу проявить революционную бдительность, как советский гражданин и бывший сотрудник органов.

Отставной старшина вытащил из-под кровати топор и направился в коридор, где его поджидали соседки по коммуналке. Одним ударом топора он выбил накладной замок и с криком «Всем лежать!» ворвался в комнату художника, размахивая топором. Мужчины лежали на кровати абсолютно голыми. За минуту в комнату набилось с десятков женщин, которые с любопытством смотрели на голых мужиков и что-то возбужденно кричали.

Гарик, выполняя полученную инструкцию, пробился сквозь толпу к кровати и, размахивая удостоверением дружинника, заорал: «Вы оба задержаны за противоправные действия. Я – командир оперативного комсомольского отряда, дружинник. Встали! Оделись! Оба!».

– Так это ты, сука, опять пришел! – заорал художник, бросаясь на санитару. – Да я тебя...

Но договорить он не успел. Гарик набросил на шею больного полотенце и стал душить Старовойтова. Через минуту художник захрипел, теряя сознание. Увидев эту картину, к нему на помощь ринулся длинноногий парень. Он нанес хлесткий удар ногой по лицу санитару. Удар был настолько сильный, что Гарик отлетел в дальний угол комнаты. Алиса с ужасом смотрела на происходящее и не знала, что делать. Но тут в дело вмешался отставной старшина.

С криком: «Бей пидоров!» он кинулся на танцора, а женщины навалились на голого художника. В это время пришел в себя санитар. Он подскочил к голому танцору и со всей силы ударил его кулаком по затылку. От этого удара мужчина громко охнул и мешком рухнул на пол. Вторым ударом Гарик вырубил Старовойтова.

– Молодец, салага! – удивленно посмотрел на санитару старшина. – Ты что, боксер? Это же нокаут.

– Старшина, я не боксер, я доминошник.

– Вышли все из комнаты! – неожиданно закричала Алиса. Она бросилась к танцору и стала ощупывать его голову. – Прости меня, Слава. Я не знала, я б не поехала сюда, прости. Одевайтесь. Быстрее.

– И ты с ними, Алиса. Ну, что я им сделал. Я никого не трогал. Я люблю его, понимаешь, люблю! А они нас преследуют, – Каретников плакал громко, взхлеб. Алиса помогла ему одеться.

Тем временем кто-то из соседей позвонил в милицию. Старовойтова и Каретникова, как особо опасных преступников, доставили в ИВС в наручниках.

– Кучерявый, тебе совесть мучать не будет? – после того, как они вернулись в больницу, спросила Алиса.

– А что я сделал не так? – удивленно посмотрел на врача Гарик.

– Ты человеку жизнь угробил. Он из тюрьмы не выйдет.

– Он не человек, он «голубой». Его лечить надо, как пассивного педераста, чтоб заразу эту по городу не разносил, – жестко произнес санитар. – Мы его на горячем взяли на ваших глазах. Не отвертится теперь.

– Гарик, а зачем ты его по затылку бил? Это ж запрещенный удар. По затылку даже боксеры не бьют.

– А каратисты бьют. Я имел право. Крайняя необходимость. Он сам виноват. А вы откуда знаете этого Каретникова? – подозрительно посмотрел на Алису Гарик.

– Я с ним с четырех лет танцевала. Потом он институт культуры закончил, балетной студией руководил. У него дети на всесоюзных конкурсах побеждали. Его подставили.

– Алиса Викторовна, его ж с поличным взяли. При свидетелях. Голым. Его же Старовойтов...

– Рот закрыл! – подлетела к Гарику Алиса. – В жизни всякое может случиться. Вот ты сейчас душевнобольных ловишь, бьешь невинных, судишь их, а завтра тебя самого в психушку сдадут. И что делать будешь?

– Меня не сдадут. У меня нервы из железа, – самодовольно улыбнулся Гарик. – Я каратэ занимаюсь.

– От сумы и тюрьмы не зарекайся.

– Хотите, я вас приемам научу, – неожиданно сменил тему Гарик.

– И когда у вас тренировки?

– Сегодня в восемь.

– А в чем занимаетесь?

– Кто в чем, а под вашу фигуру есть настоящее кимоно из Японии. Муха не сидела. Правда, тренер говорит, что оно для дзю-до, но смотрится неплохо.

– Если есть кимоно, поехали, чего ждешь, – приказала Алиса.

– Только учтите, у нас тренер кореец. На разминке гоняет всех, как проклятых. Если дышалки не хватит, переходите на шаг, но не останавливайтесь. Стоять нельзя. На кулаках отжиматься заставит.

– И где ваш спортзал?

– На Некрасова. Нас Костя подбросит.

Расплата за «голубую любовь»

Через полчаса Алиса вслед за Гариком спустилась в подвал. По всему залу висели боксерские груши и плакаты, рассказывающие о преимуществе боевого самбо над другими видами единоборств. Центр зала занимал борцовский ковер.

– Этот подвал нашему комсомольскому оперативному отряду отдали. Тут у нас и штаб, и спортзал. Только болтать о том, что мы каратэ занимаемся, не советую. Официально – это секция боевого самбо. А вот и тренер наш, Виктор Ли. Знакомьтесь.

Алиса с интересом посмотрела на молодого мужчину с раскосыми глазами.

– Новенькую привел. Она врач. Хочет попробовать, – сообщил тренеру Гарик.

– Переодевайтесь! – указал на женскую раздевалку тренер.

Гарик передал Алисе упакованное в специальный пакет кимоно.

– Красоту ничем не испортишь, – увидев через несколько минут Алису в кимоно, зааплодировал Гарик. Он смотрел на женщину влюбленными глазами. – Алиса, как бы я хотел побывать на месте твоего мужа. Я б тебя на руках носил и кофе подавал в постель каждое утро.

– Я с тобой коров не пасла, так что обращайся ко мне «на вы». И мужем моим ты никогда не будешь, – осадил Гарика Алиса. – Но для живой макивары сгодишься.

– Какие вы слова японские знаете, Алиса Викторовна, – улыбнулся Гарик. – От ваших рук я даже нокаут приму с радостью.

– И не заплачешь? – пристально посмотрев на Гарика, спросила Алиса.

– Нет. Все стерплю.

– Ловлю тебя на слове, кучерявый. Бить буду долго и больно.

Потом началась разминка, в которой участвовали десять человек из комсомольского оперативного отряда. Алису и девчонок-студенток тренер поставил в первый ряд. Они бегали по кругу с поочередно вытянутыми вперед ногами, боком, спиной вперед, на корточках, подпрыгивая вверх, отжимались на кулаках.

– А теперь, растяжка, – скомандовал тренер. – Сели на шпагат все. Ноги потянули.

Алиса легко выполнила упражнение.

– Вот, это растяжка, – удивился тренер. – Вы занимались каратэ?

– Нет. Я первый раз на тренировке, – улыбнулась Алиса.

Потом тренер учил спортсменов блокировать удары противников, группироваться и правильно падать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.